

И.М. Сампиев [I.M.Sampiev]1

УДК 327
DOI: 10.37493/2307-910X.2022.4.15

К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СЕЦЕССИОННОГО КОНФЛИКТА

ON THE PROBLEM OF POLITICAL AND LEGAL

Аннотация

Статья посвящена проблеме политико-правовой регламентации сецессионного конфликта. Актуальность темы обусловлена тем, что сецессионные конфликты используются как инструмент в процессах борьбы за сохранение/разрушение послевоенного мирового порядка. Дан сравнительный анализ имеющихся предложений по критериям законности требований о самоопределении. Сделан вывод о том, необходимо ввести самоопределение народов в конституционные рамки, т.е. срочно разработать стандарты и процессуальные нормы конституционного самоопределения, с включением их в систему международного права и имплементацией в национальное право государств – членов ООН.

Ключевые слова: сецессия, сепаратизм, энosis, конфликты, международное право, геополитика, интересы, конституционное самоопределение

Abstract

The article is devoted to the problem of political and legal regulation of the secession conflict. The relevance of the topic is due to the fact that secession conflicts are used as a tool in the processes of struggle for the preservation/destruction of the post-war world order. A comparative analysis of the available proposals on the criteria of law-news requirements for self-determination is given. It is concluded that in order to avoid unjustified victims and suffering of people, it is necessary to introduce the self-determination of peoples within the constitutional framework, i.e. urgently develop standards and procedural norms of constitutional self-determination, with their inclusion in the system of international law and implementation in the national law of the UN member States.

Key words: secession, separatism, enosis, conflicts, international law, geopolitics, interests, constitutional self-determination

Введение

Современная турбулентность международных политических процессов, вследствие разворачивающегося геоэкономического противостояния Россия – Запад, начавшаяся трансформация однополярного мирового порядка сопровождаются обострением межгосударственных, внутригосударственных и межнациональных противоречий и конфликтов. В качестве одного из инструментов геополитической борьбы все чаще актуализируется сецессионное движение. Объективным провоцирующим фактором в общем случае выступает этностатусная, этноязыковая или культурная депривация. Конфликтные взаимоотношения между регионом суверенного государства, стремящимся к геополитическому, правовому, экономическому или этнонациональному обособлению, реализуемому в порядке сецессии, энотиза, ирредентизма или политической автономизации, и центральными властями государства, стремящимися сохранить суверенитет государства, обеспечить единство и целостность его территории, широко распространены в различных регионах мира и включаются в сложные процессы геополитической борьбы за сохранение/разрушение послевоенного мирового порядка. Сецессионные процессы зачастую сопровождаются кровавыми вооруженными конфликтами, этническими чистками, большим

числом беженцев и разрушений. В связи с этим актуальной задачей становится выработка конвенциональных способов профилактики и ненасильственного разрешения сецессионных конфликтов, их политико-правовой регламентации. Данная статья имеет целью рассмотреть рамочные условия и принципы такой регламентации.

Материалы и методы исследования. В статье осуществляется политико-правовой анализ существующих положений международно-правовых актов, касающихся самоопределения народов. Субъект-объектный анализ позволяет выявить основных субъектов в развитии сецессионного конфликта в современных условиях (чаще всего это национальные элиты, заинтересованные государства и международные организации). Дается сравнительный анализ имеющихся предложений по критериям законности требований о самоопределении и введению сецессионных процессов в конституционно-правовое русло

Результаты и обсуждение. Сецессия с т.з. внутреннего законодательства большинства государств рассматривается как сепаратизм. Американский политолог Д. Горовиц определяет сепаратизм как выход группы и ее территории из-под юрисдикции более крупного государства, частью которого она является, и отличает его от ирредентизма - стремления к присоединению этнически родственного населения и населяемой им территории к «этнически близкому» государству [1, с.147]. Провоцирующим фактором в общем случае выступает этностатусная депривация. Особенно, как отмечает Е. Вятр, случай условной депривации, поскольку в подобных ситуациях в группах, чьи запросы особенно сильно возросли по сравнению с возможностями их удовлетворения, появляется отчетливая тенденция к агрессивному модусу действий, направленному против политической системы или этнической (социальной) группы, которую считают виновницей депривации [2, с.308].

По мнению Д.В. Ткаченко, сепаратизм представляет собой социально-политический феномен, порождаемый конфликтными взаимоотношениями между регионом суверенного государства, стремящимся к геополитическому, правовому, экономическому или этнонациональному обособлению, реализуемому в порядке сецессии, ирредентизма или политической автономизации, и центральными властями государства, стремящимися сохранить суверенитет государства, обеспечить единство и целостность его территории [3, с.7-8]. Часто этнический сепаратизм проявляется как этнотерриториальный конфликт, в основе которого лежит стремление этнической группы выделиться из общего государства, воспринимаемого её представителями как государственное образование другой этнической группы. В.А. Авксентьев выделяет три основные формы сепаратизма: 1) сецессия, что подразумевает под собой выход из состава единого государства и создание собственного независимого национального государства; 2) ирредентизм - отделение от одного государства с целью присоединиться другому; 3) энзис - отделение от государства с целью присоединения к государству с одноэтническим населением [4, с.120].

Ведущая роль в развитии сецессионного конфликта чаще всего принадлежит элитам и международному сообществу, так как их решения являются определяющими для развития событий на четырех его главных стадиях: актуализация этнической идентичности; этническая мобилизация; институционализация конфликта; легитимация мировым сообществом разрешения конфликта путем сецессии. Так, в определенные моменты (например, неравномерное экономическое развитие различных территорий и другие факторы / события, ведущие к осложнению социально-политического взаимодействия) элита актуализирует латентную идентичность. На смену интегративной (общенациональной) идентичности приходит партикуляристская (конфессиональная, этническая, расовая и т.п.).[5].

Затем следует этап консолидации и активной мобилизации народных масс и доступных ресурсов. Сецессия как процесс представляет собой борьбу периферийных элит с центральными элитами за повышение собственного статуса посредством суверенизации того или иного вида социальной общности, чаще всего этноса. Несомненно, что динамика данного процесса во многом предопределяется тем, насколько сильны притязания на власть новых элит, выросших в рамках старых структур [6]. Представителей новой элиты не

подпускают к процессу принятия решений, поэтому они вынуждены облекать свои притязания на власть в форму национально-этнических или конфессиональных интересов. Этническая мобилизация, в первую очередь, оказывается мощным фактором и инструментом в борьбе за политическую власть [7]. Под этнической мобилизацией понимается «процесс, посредством которого группа, принадлежащая к одной этнической категории, в борьбе за политическую власть и лидерство с членами другой / других этнических групп или государством манипулирует этническими обычаями, ценностями, мифами и символами в политических целях, используя их как главный ресурс во имя обретения общей идентичности и политической/государственной организации группы» [8, с.61].

Неопределённость, связанная с наличием различных точек зрения на понятие «нация», породила противоречие между статьями 1 и 6 «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1960 г. Статья 1. констатирует следующее: «Все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободны определять свой политический статус и свободны осуществлять своё экономическое, социальное и культурное развитие...» Статья 6.: «Любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства или территориальной целостности страны, является несовместимой с целями и принципами Устава Организации Объединённых Наций» [9].

Упомянутая Декларация, по мнению Ф. Паркинсона, уже с самого начала имела противоречие, которое превратилась в анахронизм, что повлекло за собой возникновение неразрешимых противоречий между принципами самоопределения и территориальной целостности [10, с.115]. Тезис об этом противоречии весьма распространен среди отечественных правоведов и политологов. Однако противоречие это мнимое: международное право говорит о недопустимости агрессии, а нарушение территориальной целостности самим населением является внутренним делом государства и не относится к сфере международного права. Кроме того, отрывочные ссылки на Заключительный Акт хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, которыми постулируется принцип нерушимости границ и территориальной целостности: «Государства-участники будут уважать территориальную целостность каждого из государств-участников. В соответствии с этим они будут воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава Организации Объединённых Наций, против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника и, в частности, от любых таких действий, представляющих собой применение силы или угрозу силой» [11, с.580], не вполне корректны.

Во-первых, в Заключительном акте право на самоопределение безоговорочно признается за всеми народами и говорится: «Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие». Во-вторых, принцип самоопределения народов декларируется как предпосылочный для принципа территориальной целостности. Всемирная конференция по правам человека в Вене 1993 года специально отметила, что отказ в праве народов на самоопределение считается нарушением прав человека [12, с.343] и что «вышесказанное не должно истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий» [13, с.521, 540]. Т.о., только соблюдающие принцип равноправия и самоопределения народов государства могут рассчитывать на международно-правовую поддержку своей территориальной целостности и нерушимость границ. Как отмечает проф. Ю. Г. Барсегов, «соответствие фактического территориального владения государства праву

наций на самоопределение дает ему юридический титул, право на владение и распоряжение территорией» [14, с.10].

Разница между отношением государства и народа к территории в том, что для коренного народа его историческая территория есть его достояние, на которое он имеет право. Государство же может только властвовать в пределах данной территории, фактически владеть ею, но правом на нее не обладает, что верно как для многонационального, так и для мононационального государства. Что касается проблемы «территориального status-quo», то с учетом вышеизложенного ясно, что «во всех случаях коллизии прежних правовых титулов с правом нации на самоопределение юридическая сила признается за последним. В обоснование своих территориальных прав государство может опираться на старинный правовой титул лишь в той мере, в какой он не противоречит праву наций на самоопределение» [14, с.122].

В Африканской хартии прав человека, вступившей в силу в 1986 году, указывается, что все народы имеют неоспоримое и неотъемлемое право на самоопределение и определение своего политического статуса, а «колонизированные или угнетаемые народы имеют право освободиться от уз господства путем любых средств, признанных международным сообществом» [15, с.69]. Проф. Л. Моджорян указывает, что в тех случаях, когда государство, в состав которого нация входит или от которого она зависит, не только не удовлетворяет требования нации на признание ее права на самоопределение, но и препятствует реализации этого права, прибегая к военному подавлению нации и насильственному навязыванию ей своего господства, внутренний вопрос перерастает в вопрос международного характера, угрожающий миру и безопасности и требующий поэтому вмешательства международной организации, деятельность которой является одной из форм коллективной самопомощи государств и наций в деле поддержания всеобщего мира [11, с.282]. Такая трактовка прав народа на самоопределение была подтверждена Всемирной конференцией по правам человека в июне 1993 года, причем в контексте основных прав человека [16].

Вслед за деколонизацией, которая декларировалась и проводилась на основе принципа равноправия и самоопределения народов, но в большинстве случаев самоопределением не являлось, новый импульс получает тенденции этнического сепаратизма с претензиями на независимость [17]. Движения указанных народов за национальное освобождение имели место и ранее, однако в обозначенный период они обрели новые политико-правовые основания. Международное право подразумевало, что сецессия может быть легализована на основании взаимного согласия (например, сецессия Бангладеша из Пакистана, Сингапура из Малайзии, Словакии из ЧССР). Односторонняя сецессия (например, Тайвань из Китая, Чечня из России, Абхазия и Южная Осетия из Грузии, Приднестровье из Молдовы) в международном праве не признавалась. Однако нынешние реалии иные: одностороннее признание Косово странами Запада, а затем Южной Осетии и Абхазии со стороны России привели к расшатыванию принципа взаимного согласия на отделение территории.

Нельзя не согласиться с логичностью утверждения К.С. Гаджиева: «Если бы все существующие в современном мире нации, народы, этносы претендовали на создание собственных независимых государств и пытались бы реализовать эти претензии, неустойчивость миропорядка многократно усилилась и само существование многих государств было бы поставлено под вопрос» [18, с.226]. Понимая практическую нереализуемость подхода «один народ - одно государство» в условиях полиэтничности населения большинства государств, а также неспособность многих этнических общностей к самостоятельному государственному существованию, международное сообщество в лице ООН и ряда других организаций попыталось создать правовые ограничения на пути сепаратизма. Признавая право наций и народов на самоопределение, ведущие международные институты в принципе выступали против реализации его в форме отделения, дабы не поощрять сепаратистские устремления [19].

Вместе с тем, объективный анализ развития мирового сообщества выявляет очевидные тенденции к стремлению народов к независимости и выявляет нарастание политической институционализации права народов на самоопределение. Так, при создании ООН в 1945 г. в ней было представлено 51 государство, в настоящее время – 191. Кроме того, в мире существует несколько десятков непризнанных государственных образований, существующих *de facto*, квазигосударств и т.н. потенциальных государств. Не менее трети современных суверенных государств находятся под давлением повстанческих движений, диссидентских групп, правительств в изгнании. М. Мандельбаум констатировал в этой связи, что «священность существующих суверенных границ уже не принимается мировым сообществом полностью» [20, с.19]. Современные многосоставные государства обречены на столкновение с растущими проблемами сепаратизма. По убеждению некоторых аналитиков, через четверть века на Земле будет существовать уже до 500 государств [21, с.226].

В этой связи принцип равноправия и самоопределения народов получает новую, чрезвычайно важную для мирного сосуществования функцию правовой и политической регламентации этих процессов. С одной стороны, принцип равноправия и самоопределения дает народам достаточно широкие возможности для самоопределения без сепаратизма - через предоставление различных видов автономии, гарантий прав коренных и ведущих племенной образ жизни народов, через представительство в правительственных структурах, федерализацию и т.д. Осознание ненормальности того факта, что многочисленные народы, не имеющих национальной государственности, не имеют своего «голоса» на международной арене, привело к созданию в 1991 году Организации Непредставленных Народов и Наций (ОННН или UNPO).

Проблема в том что, как правило, движение за сецессию рассчитано на поддержку извне, прежде всего, со стороны государств, заинтересованных в изменении баланса геополитических сил в регионе, со стороны народов, близких в этническом, культурном или религиозном отношениях. Группа также ищет (или уже имеет) «старшего брата» за рубежом, чья политика может колебаться от нейтралитета до секретной или даже открытой экономической и военной помощи. Кроме того, группа борется за стабилизацию экономических, политических и оборонных контактов с третьими странами или с международными организациями [22]. При этом, отношение к этим процессам со стороны разных геополитических акторов может быть прямо противоположным.

Международное вмешательство далеко не всегда оказывается позитивным, ибо его участники тоже имеют собственные, зачастую эгоистические интересы. Детерминизм в этот процесс, как правило, вносят большие державы, когда они в том или ином виде подключаются к конфликту и пытаются использовать его в своих интересах. Поэтому поспешная приватизация конфликта внешними акторами - это тупиковая и опасная стратегия. Тем не менее, в практике урегулирования сецессионных конфликтов преобладают геополитические интересы и двойные стандарты, являющиеся инструментом политического влияния. Например, присвоив себе роль борца за демократические права народов, США и некоторые высокоразвитые государства Запада в своей практической политике игнорируют закрепленные в Уставе ООН и других международных документах демократические гарантии этих прав. Очевидно, что единственным источником «логики» их действий становятся не правовые основания, а собственные соображения с сугубо политическим подтекстом [23, с.49].

Желание ослабить соперника или потенциального противника всегда берет верх над соображениями идеологическими (н-р, неприятие т.н. «исламского» экстремизма). Именно так произошло с поддержкой отдельными странами чеченского сепаратизма, ибо это означало возможность поддержания для западного мира ослабшего было внешнего «образа врага» и начало геополитически полезного с точки зрения западных геостратегов второго раунда дезинтеграции территории бывшего СССР за счет новой «мини-империи» России [24].

Агрессия США и их союзников по НАТО против Югославии под предлогом предотвращения геноцида албанцев в Косово, причем без согласия на это Совета Безопасности ООН, показала, насколько далеко принцип «гуманитарной интервенции» может завести мировое сообщество в подрыве созданных после второй мировой войны основ международной безопасности. Возникшая в этой связи коллизия отражала новое противоречие в развитии человечества – между всевозрастающей взаимозависимостью, глобализацией определенных сфер жизни народов, с одной стороны, и сохранением за национальным государством суверенитета и, соответственно, роли главного национального представителя и субъекта в международных отношениях. Этот прецедент имел следствием то, что в 2008 году Российская Федерация подхватила доктрину «гуманитарного вмешательства» и признала независимость Южной Осетии и Абхазии.

Опыт чеченского сепаратистского движения, активизация самоопределенческих процессов в посткоммунистической Европе и на территории бывшего СССР, казалось бы, должна была привести к активной выработке международным сообществом и учеными определенных процессуальных механизмов, общепризнанных правовых процедур, правил и политических схем введения сецессионных процессов в политико-правовое русло, исключения кровопролития и межэтнических войн и геноцида, чему весь мир был свидетелем в бывшей Югославии. Но на самом деле, с учетом их актуальности, таких теоретических разработок весьма мало. Н-р, в 1989 году, в условиях начавшегося процесса суверенизации союзных республик, А. Зубов и А. Салмин предприняли попытку разработки механизма реализации права на отделение: «проводится референдум и, если квалифицированное большинство избирателей высказывалось за отделение, в соответствующем районе вводится на несколько лет режим управления из центра. Если за указанное время изменения общественного мнения не произошло и повторный референдум демонстрирует волю к отделению, территория подлежит отделению при условии, что право на самоопределение сохраняют и проживающие здесь меньшинства, если они не желают следовать за основным народом» [25, с.32]. Однако политики не прислушались к рекомендациям ученых, а попытка заключения нового Союзного Договора, по сути, на основе принципа равноправия и самоопределения народов, была сорвана выступлением ГКЧП и последовавшим распадом Советского Союза.

Одним из немногих фундаментальных обращений к данной проблеме в рамках политической философии стала монография А. Бьюкенена «Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства». Обосновывая практическую потребность в теории сецессии, А. Бьюкенен рассматривает моральные аргументы «за» и «против» сецессии и подробно, хотя и недостаточно четко, описывает принципы конституционной теории сецессии и ее политико-правовые условия [26, с.167-185].

Достаточно обоснованную и реалистичную схему реализации права на самоопределение предложил проф. Д.В. Доленко. По его мнению, условия реализации права на самоопределение должны предполагать: 1. возвращение беженцев и участие в голосовании (референдуме) всех постоянно проживающих на данной территории граждан; 2. признание права на самоопределение меньшинства, включая его права на отделение; 3. проведение референдума под международным контролем; 4. установление определенного переходного периода, в ходе которого должны быть урегулированы все правовые вопросы, связанные с разделом собственности, гражданством, границами и т. д. [27, с.151].

Среди немногих работ, посвященных определению критериев законности требований о самоопределении, необходимо отметить книгу Г.В. Старовойтовой «Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев». Г.В. Старовойтова выделяет следующие критерии законности требований о самоопределении: 1. Невыносимость существования; 2. «Историческое право»; 3. Этнический состав населения; 4. Народное волеизъявление; 5. Ответственность за последствия [28, с.109-119].

Выше изложенные положения могли бы стать основой для формулирования конституционно-правовых критериев и условий разрешения сецессионных конфликтов в современных условиях.

Выводы. Опыт институализации сецессии в Грузии, бывшей Югославии и других регионах, мировые тенденции в этом вопросе приводят нас к выводу, что в современных условиях должны быть предложены определенные политико-правовые правила и процедуры самоопределения в сецессионной форме, коль скоро дальнейшее совместное проживание в полиэтническом государстве оказалось невозможным. Установление конституционных процедур сецессии в таких ситуациях представляется более разумной альтернативой внутригосударственной войны с многотысячными жертвами. Признание независимости Косов, а затем Южной Осетии и Абхазии, под предлогом спасения этнической группы от геноцида резко усилило узаконивание в международной практике доктрины «гуманитарного вмешательства», в существенной мере ограничивающей понятие суверенитета государств и подрывающей основы существующего международного порядка. С учетом обострения геополитического противоборства за сохранение/разрушение послевоенного мирового порядка, провоцирующего нарастание сецессионных конфликтов во всем мире, во избежание ничем не оправданных жертв и страданий миллионов людей, необходимо ввести самоопределение народов в конституционные рамки, т.е. срочно разработать стандарты и процессуальные нормы конституционного самоопределения, с последующим включением их в систему международного права и имплементацией в национальное право государств – членов ООН.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С.145-164.
2. Вятр Е. Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979. 463с.
3. Ткаченко, Денис Владимирович. Юридические механизмы противодействия сепаратизму в современной России: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 23.00.02 / Ткаченко Денис Владимирович; [Место защиты: Рост. юрид. ин-т МВД РФ]. - Ростов-на-Дону, 2007. - 28 с.
4. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология. Часть 2. Ставрополь: СГУ, 1996. 153с.
5. Тишков В.А. Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти) // СЭ. 1991. № 3. С.3-18.
6. Тулушева И. В. Региональные субъекты власти в системе этнополитических отношений: дисс. ... канд. полит. наук. Саратов, 2006. 21с.
7. Brass P.R. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. Newbery Parc, CA: Sage Publications, 1985. 358p.
8. Ачкасов В.А., Бабаев С.А. «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры современной России. СПб., 2000. 144с.
9. Резолюция ООН № 1514 (XV), декабрь 1960 г.
10. Рыбаков С.Е. Этнический фактор безопасности многонационального государства: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия ФСБ России, 1998. 175с.
11. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977. 592с.
12. Российский ежегодник международного права 1993 – 1994. Санкт-Петербург, 1995. 376с.
13. Международное публичное право: Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. 570с.
14. Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве: Юридическая природа территориального верховенства и правовые основания распоряжения территорией. М.: Госюриздат, 1958. 271с.

15. Права и свободы народов в современных источниках международного права (сборник документов) / Сост. и перев. Проф. Р.А. Тузмухамедов. Казань: Книжный Дом, 1995. 231с.
16. Моджорян Л.А. Основные права и обязанности субъектов международного права // Советский ежегодник международного права. 1958. М.: Изд-во АН СССР. 1959. С.277-295.
17. <http://www.politnauka.org/library/territor/biryukov1.php>
18. Гаджиев К. С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. М.: Экономика, 2007. 750с.
19. <http://www.politnauka.org/library/territor/biryukov1.php>
20. Mandelbaum M. The Future of Nationalism // The National Interest. Fall 1999, p.17-26.
21. Дельмаев Х.А. Россия и национальный вопрос / Постзападная цивилизация. Либерализм: прошлое, настоящее, будущее. М.: Новый фактор; Минувшее. 2002. 439с.
22. Никитина Ю.А. Урегулирование «замороженных» региональных кризисов / <http://www.ifpc.ru/index.php?cat=216>
23. Лебедева М.М. Межэтнические конфликты на рубеже веков (методологический аспект) // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5. С.31-39.
24. Маркедонов С. «Путь Косово» ведет в ловушку // Московские новости. № 11, 31.03. – 06.04.2006.
25. Зубов А.Б. От конфликта к консенсусу / А.Б. Зубов, А.М. Салмин. // Новое время. - 1989. - декабрь. С30-32.
26. Бьюкенен А. Сепессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М.: Изд-во «Рудомино», 2001. 239с.
27. Доленко, Д. В. Политико-территориальная организация общества в условиях трансформации / Вузовская наука начала XXI века: гуманитарный вектор. Екатеринбург: Из-во УрГу. 2002. 195с. С.150-155.
28. Старовойтова Г.В. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. СПб., 1999. 206с.

REFERENCES

1. Gorovic D. Irredentizm, separatizm i samoopredelenie // Nacional'naya politika v Rossijskoj Federacii. M., 1993. S.145-164.
2. Vyatr E. Sociologiya politicheskikh otnoshenij. M.:Progress, 1979. 463s.
3. Tkachenko, Denis Vladimirovich. YUridicheskie mekhanizmy protivodejstviya separatizmu v sovremennoj Rossii: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 23.00.02 / Tkachenko Denis Vladimirovich; [Mesto zashchity: Rost. yurid. in-t MVD RF]. - Rostov-na-Donu, 2007. - 28 s.
4. Avksent'ev V.A. Etnicheskaya konfliktologiya. CHast' 2. Stavropol': SGU, 1996. 153s.
5. Tishkov V.A. Etnichnost' i vlast' v SSSR (etnopoliticheskij analiz respublikanskih organov vlasti) // SE. 1991. № 3. S.3-18.
6. Tulusheva I. V. Regional'nye sub"ekty vlasti v sisteme etnopoliticheskikh otnoshenij: diss. ... kand. polit. nauk. Saratov, 2006. 21s.
- Brass P.R. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. Newbery Parc, CA: Sage Publications, 1985. 358p.
7. Achkasov V.A., Babaev S.A. «Mobilizovannaya etnichnost'»: etnicheskoe izmere-nie politicheskoy kul'tury sovremennoj Rossii. SPb., 2000. 144s.
8. Rezolyuciya OON № 1514 (XV), dekabr' 1960 g.
9. Rybakov S.E. Etnicheskij faktor bezopasnosti mnogonacional'nogo gosudarstva: Dis. ... kand. yurid. nauk. M.: Akademiya FSB Rossii, 1998. 175s.

10. Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. XXXI. M., 1977. 592s.
11. Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava 1993 – 1994. Sankt-Peterburg, 1995. 376s.
12. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: Sbornik dokumentov. T. 1. M.: BEK, 1996. 570s.
13. Barsegov YU.G. Territoriya v mezhdunarodnom prave: YUridicheskaya priroda territorial'nogo verhovenstva i pravovye osnovaniya rasporyazheniya territoriej. M.: Gos-yurizdat, 1958. 271s.
14. Prava i svobody narodov v sovremennyh istochnikah mezhdunarodnogo prava (sbornik dokumentov) / Sost. i perev. Prof. R.A. Tuzmuhamedov. Kazan': Knizhnyj Dom, 1995. 231s.
15. Modzhoryan L.A. Osnovnye prava i obyazannosti sub"ektov mezhdunarodnogo prava // Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1958. M.: Izd-vo AN SSSR. 1959. S.277-295.
17. <http://www.politnauka.org/library/territor/biryukov1.php>
18. Gadzhiev K. S. Geopoliticheskie gorizonty Rossii: kontury novogo miro-po-ryadka. M.: Ekonomika, 2007. 750s.
19. <http://www.politnauka.org/library/territor/biryukov1.php>
20. Mandelbaum M. The Future of Nationalism // The National Interest. Fall 1999, r.17-26.
21. Del'maev H.A. Rossiya i nacional'nyj vopros / Postzapadnaya civilizaciya. Liberalizm: proshloe, nastoyashchee, budushchee. M.: Novyj faktor; Minuvshee. 2002. 439s.
22. Nikitina YU.A. Uregulirovanie «zamorozhennyh» regional'nyh krizisov / <http://www.ifpc.ru/index.php?cat=216>
23. Lebedeva M.M. Mezhetnicheskie konflikty na rubezhe vekov (metodologicheskij aspekt) // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2000. № 5. S.31-39.
24. Markedonov S. «Put' Kosovo» vedet v lovushku // Moskovskie novosti. № 11, 31.03. – 06.04.2006.
25. Zubov A.B. Ot konflikta k konsensusu / A.B. Zubov, A.M. Salmin. // Novoe vremya. - 1989. - dekabr'. S30-32.
26. B'yukenen A. Secessiya. Pravo na otdelenie, prava cheloveka i territorial'naya celostnost' gosudarstva. M.: Izd-vo «Rudomino», 2001. 239s.
27. Dolenko, D. V. Politiko-territorial'naya organizaciya obshchestva v usloviyah transformacii / Vuzovskaya nauka nachala XXI veka: gumanitarnyj vektor. Ekaterinburg: Iz-vo UrGu. 2002. 195s. S.150-155.
28. Starovojtova G.V. Nacional'noe samoopredelenie: podhody i izuchenie sluchaev. SPb., 1999. 206s.

ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сампиев Исрапил Магомедович, (доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии Ингушского государственного университета, г.Магас), E-mail: israpil@yandex.ru.

Sampiev Israpil Magometovich, D. Polit. Sc., Professor, Head of the Department of Sociology and Political Science at Ingush State University, E-mail: israpil@yandex.ru.

Дата поступления в редакцию: 07.08.2022

После рецензирования: 22.10.2022

Дата принятия к публикации: 03.11.2022